

Г. К. КОЧЕШКОВ, Е. Л. САРАЕВА

ФЕВРАЛЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1917 ГОДА В РЕФЛЕКСИИ ЛИДЕРОВ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА

Статья посвящена анализу идей лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе о краткосрочных факторах февральского революционного кризиса 1917 г. «Прогрессисты» считали главным виновником революции власть. По их мнению, бессилие правящей элиты предопределило неизбежность падения монархии. Лидеры Прогрессивного блока выделили краткосрочные факторы Февральской революции: неудачная, непопулярная затяжная война, обрушившая авторитет власти и вызвавшая проблемы в социально-экономической сфере; неспособность правительства эффективно решать задачи государственного управления; ориентация монархии на традиционные ценности; некомпетентность ряда министров; конфликт правительства с Думой; социокультурный раскол общества; возмущение народа своим бесправием и уровнем жизни, отсутствие хлеба в столице; максималистские лозунги радикальных партий, наивное доверие масс к левым агитаторам; популярность идеи революции; нежелание солдат идти на фронт, власть пыталась, но не смогла использовать силовые методы подавления революции. «Прогрессисты» интерпретировали исторический процесс в рамках дихотомии традиции – новации.

Ключевые слова: *Февральская революция, 1917 год, Прогрессивный блок, Государственная дума Российской империи, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, В.В. Шульгин*

Осмысление противоречий российского исторического процесса, предопределивших крушение монархии в феврале – марте 1917 г., является важной исследовательской задачей¹. Современники Февральской революции 1917 г., понимая ее влияние на изменение вектора движения России, дали свой анализ обстоятельств, обусловивших крушение империи. Большой интерес представляют версии развития социально-политического конфликта в феврале 1917 г., развиваемые в текстах лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе, участвовавших в смене власти: кадетов *В.А. Маклакова* и *П.Н. Милюкова*, прогрессиста *С.П. Мансырева*, октябристов *М.В. Родзянко* и *С.И. Шидловского*, лидера фракции националистов *В.В. Шульгина*. Реализуемая в данной статье исследовательская задача заключается в реконструкции и интерпретации идей либеральных и умеренно-правых лидеров Прогрессивного блока о краткосрочных обстоятельствах, способствовавших возникновению и углублению кризиса государственности.

¹ Проблема природы русской революции исследуется многими современными учеными. Оценка историографической и методологической значимости их работ дана в нашей предыдущей статье, посвященной анализу идей лидеров Прогрессивного блока о долговременных факторах революции. См.: Кочешков, Сараева 2018.

По мнению думских деятелей, процесс трансформации политических и социальных отношений на основе идей правопорядка и расширения свобод граждан в позднеимперский период не привел к прочному укоренению инноваций, поскольку сторонники «старинны», находясь у власти, защищали неограниченную власть монарха как национальную специфику России. Противостояние традиционалистов и конституционалистов могло не привести к революции, если бы высшая бюрократия в условиях Первой мировой войны смогла решить насущные задачи. Краткосрочные обстоятельства, вызвавшие революцию в России, были связаны с войной, считали лидеры Прогрессивного блока. «Проигранная война всегда грозит революцией...», объяснял происхождение социально-политического кризиса Шульгин². «В ряду факторов, определивших особую физиономию второй революции, войне 1914–1918 гг. принадлежит, конечно, первое место», она привела к «народным бедствиям», «расстройству торговли и транспорта», утверждал Миллюков³. Думские деятели, возмущенные поражениями, большими неоправданными потерями, потребовали от власти ответить за военные неудачи и пойти на соглашение с Думой. В феврале 1917 г. протестные настроения охватили все слои общества, утверждали «прогрессисты». Война обострила нерешенные в России проблемы, усилила «отрицательное отношение» обывателей к власти; «три года неудачной войны и клеветнические слухи об измене оказались достаточными, чтобы поколебать, если не искоренить прежние чувства» к монарху⁴. «Прогрессисты» сознавали, что было утрачено доверие народа к монарху и правительству. Но реакция власти на рост недовольства населения была не вполне адекватной: она требовала от него сплочения во имя победы России, эксплуатируя национальные чувства русских людей, не решая его насущные проблемы.

Главным виновником революции «прогрессисты» считали *власть*, выражая ее неэффективность словами «бессилие», «безволие», «растерянность», бездействие, которые проявлялись в ее неспособности учесть запросы общества, понять причины роста недовольства народа, найти конструктивное решение социально-экономических проблем, пойти на соглашение с Думой, организовать работу торговли и транспорта, снабжения городов продовольствием, обеспечить победы на фронте⁵. «Бессилие власти», по убеждению Шульгина, предопределило «неизбежность падения» монархии. Недееспособность власти вела к падению ее авторитета, люди отказывались «повиноваться» императору. «Что-то подточенное падало (...) все в России делалось “по приказу его императорского величества”. Это был электрический ток, приводящий в жизнь

² Шульгин 1990. С. 484.

³ Миллюков 2001.

⁴ Маклаков 1954. С. 353–354.

⁵ Миллюков 2001.

все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием». «Явственно чувствовалась растерянность правительства»; «...революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти, состоит в ощущении власти своего собственного бессилия». Бессилие власти Шульгин объяснял неудачным составом правительства: «Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля...». «Монархия, которая по тысячам причин, и может быть, больше всего собственными руками, приготовила себе гибель. (...) Она была обречена благодаря тому, что упрячилась, цепляясь за своих Штюрмеров...»⁶. Выбор министров, считали «прогрессисты», определялся степенью преданности монарху, а не деловыми качествами и способностью продумать механизм решения сложных социально-экономических и политических задач. Шульгин считал, что из кризиса страну могли вывести только государственные деятели масштаба Столыпина. Родзянко писал о падении престижа царской власти⁷. И Мансырев оценивал состояние власти как «растерянность» и «бездействие», пугавшее расстройством системы управления, что было страшно, опасно, угрожало интересам «несчастной России». «Сверху разруха продолжалась и после убийства Распутина дошла до апогея»; в конце февраля правительство «совершенно бездействовало», «отказалось от власти», министры «перепугались и попрятались»⁸. По мысли Маклакова, в годы войны в стране «рухнул» порядок, начался кризис современного государства⁹.

Милюков критиковал власть за упорство в защите старых порядков, «затяжной» «конфликт старой государственности с новыми требованиями» и «новой общественностью», усиление влияния при дворе «проходимцев», «состояние полнейшей неуверенности в завтрашнем дне», изоляцию от населения, политику репрессий, неудовлетворительную организацию работы транспорта, отказ сменить состав правительства в соответствии с требованиями Думы. По Милюкову, «государство было органически не способно» улучшить положение дел в стране и армии¹⁰. Определяя главную причину конфликта Совета министров с Думой, Милюков писал: правительство, отказавшись от заключения соглашения с Думой по вопросу о составе министров, пошло на «конфликт» и «открытый разрыв» с народным представительством и обществом. Он был уверен в том, что основная причина революции в феврале 1917 г. заключалась в низкой дееспособности правительства, не воспринимавшего новые идеи, предложения оппозиции.

⁶ Там же. С. 433, 429, 436, 458, 489.

⁷ Родзянко 1929.

⁸ Мансырев 1991. С. 100-101, 103, 104, 105.

⁹ Маклаков 1954. С. 378-379.

¹⁰ Милюков 2001.

Первая мировая война стала внешним вызовом власти, которая не смогла использовать весь имевшийся у страны потенциал. «Прогрессисты» искали варианты переформатирования правительства, чтобы задействовать другие силы и резервы общества. С точки зрения лидеров Прогрессивного блока, бессилие власти создало угрозу национально-государственным интересам России. В первые дни революции они искали возможности действовать в рамках закона. Однако «недоверие к правительству» вынудило их искать пути «установления какого бы то ни было порядка», чтобы не допустить хаоса¹¹. Ценность «порядка» возрасла в сознании «прогрессистов», его обеспечение стало приоритетным направлением их деятельности того времени.

«Прогрессисты» не рассматривали Думу как институт власти, не относили себя к правящей элите, не брали на себя ответственность за политику последней. Они называли себя «общественностью», народными представителями. В дни Февральской революции они были убежденными монархистами. В их представлении монархия имела заслуги перед Россией, длительное время обеспечивала ее единство, могущество¹², являлась осью политической системы, объединяла нацию, защищая геополитические интересы страны и ее суверенитет. Отказ от монархии мог привести к крушению всех институтов государства. И с исторической, и с политической точек зрения, считали они, России нужен был институт монархии. На протяжении всех дней революции они искали варианты ее сохранения. Даже 3 марта 1917 г. Милюков убеждал вел. кн. Михаила Александровича, членов Временного комитета Думы и Временного правительства, что «Монарх... это – ось... Единственная ось страны. ... Если вы откажетесь... будет анархия... хаос... кровавое месиво... Монарх – это единственный центр... Единственное общее...»¹³. Шульгин назвал эти «вещные слова» мудрыми. В феврале–марте 1917 г. «прогрессисты» действовали прагматично. Изначально желая настоять на проведении политической реформы, они быстро осознали, что кризис власти вел к разрушению государства, революция поставила страну перед выбором: государственный порядок или анархия.

По мнению «прогрессистов», важным обстоятельством развития кризиса в феврале 1917 г. был рост недовольства населения политикой власти, неудачным ходом боевых действий, многочисленными социальными и бытовыми проблемами, вызванными войной. В отличие от социалистов, «прогрессисты» боялись кризиса власти, который мог повлечь за собой хаос и гражданскую войну. С их точки зрения, этот ход событий был худшей альтернативой развития конфликта. Они стреми-

¹¹ Шидловский 1991. С. 120.

¹² Маклаков 2006. С. 14.

¹³ Цит. по: Шульгин 1990. С. 538.

лись не допустить реализации этого сценария. Думские лидеры понимали, что правительство быстро теряло авторитет в обществе. Это углубляло раскол между властью и оппозицией, а диалог как форма его преодоления становился все менее реальным.

Как «прогрессисты» оценивали умонастроение обывателей, от поддержки которых зависел итог противостояния сторон в борьбе за власть? По мысли Маклакова, на обывателях держится государство. Политическим лидерам, в т.ч. кадетам, важно было знать мнения частных людей, «какой материал массы из себя представляли и какие средства они давали нам для борьбы»¹⁴. В феврале 1917 г. произошла политическая переориентация средних городских слоев и социальных низов. Недоверие к власти определило надежду на Думу как защитницу их интересов. Маклаков отмечал недостаточное развитие политического сознания обывателей, не разбиравшихся в формах правления, не мысливших политико-правовыми категориями верховенства закона, разделения властей, теоретическими понятиями. Он привел в воспоминаниях ходячую фразу в 1917 г.: «Пусть будет республика, но чтобы царем в ней был Николай Николаевич». Доверие к Государственной думе в среде городских обывателей родилось еще до революции 1917 г. Во время избирательных кампаний кадеты объясняли свои программные позиции на митингах. Интерес горожан к программе кадетов был высоким. «В глазах обывателя мы, несомненно, были партией “политической свободы и социальной справедливости”», писал Маклаков¹⁵. Прочность позиций власти, были убеждены Маклаков и Шульгин, определяется ее поддержкой обществом. В феврале 1917 г. городские обыватели поддерживали не правительство, а Думу, что стало одной из причин крушения монархии.

Думские лидеры считали безответственными обещания, раздаваемые народу левыми партиями. Они фиксировали рост их популярности в рабочей среде и набор лозунгов, которыми социалисты на митингах увлекали рабочих и солдат. Радикалы оперировали идеями благополучия, свободы, равенства, господства над другими, обещали светлую жизнь после свержения самодержавия. «Прогрессисты» обвиняли радикалов в создании мифа о счастливом обществе, господствующее положение в котором займет народ. В 1917 г. рабочие наивно поверили левым агитаторам: «в эти обещания верили и за эти мечты многие гибли»¹⁶. В этих условиях либералам было трудно объяснять рабочим, что надо отстаивать порядок на основе верховенства права.

Народ в революции, его интересы – тема размышлений либералов о его роли в крушении монархии. Каковы были причины народного

¹⁴ Маклаков 1954. С. 348-349.

¹⁵ Там же. С. 354.

¹⁶ Там же. С. 358. Обман и самообман стали способами радикалов в борьбе за власть, писал Маклаков.

движения? Почему именно настроения народа стали «горючим материалом» революции? Маклаков и Милуков выделяли глубинные ментальные истоки народного движения, писали о разочаровании народа во власти, о том, что на протестные настроения простых людей влиял раскол нации, в контексте которого в высших и низших слоях общества формировались различные представления о «своих» и «чужих». По мнению Маклакова, в революции проявился взгляд народа на богатых как «чужих», поскольку «господа» презрительно относились к социальным низам. Представления о социальной несправедливости усиливали неприязнь к «господам»: «принадлежность к «униженным и оскорбленным» воспитывала в людях чувства сострадания, солидарности, и в результате привычку друг за друга стоять»¹⁷. Рабочие и крестьяне с ненавистью относились к чиновникам, дворянам, буржуям, интеллигенции, ко всем богатым людям, презиравшим «чернь». У народа было желание отомстить за унижения, бесправие, нищету. В поведении народа проявились устойчивые стереотипы восприятия «господ» как врагов, уличное движение 1917 г. обнаруживало не только сиюминутные его истоки – нехватка денег, продовольствия, продолжение непопулярной войны, но и черты ментального сознания социальных низов, сформировавшегося в условиях длительного несоблюдения прав человека в России.

Важнейшим социальным условием революции было недовольство своим положением «обиженных классов»¹⁸, накопивших ненависть к верхам, утверждал Маклаков. Протестные настроения, связанные с сохранением «старины», он охарактеризовал как «нетерпение», «накопленное против порядков ...озлобление», обусловившее «внизу революционные настроения и дерзания»¹⁹. Народные массы в феврале 1917 г. считали справедливым наказать всех, причастных к их бедам, «мстили тем классам, кого в прошлом считали своими обидчиками», объяснял Маклаков поведение социальных низов²⁰.

Мансырев, желая подчеркнуть, что воспроизводит чужую риторику, взял в кавычки слова одного из представителей возмущенной толпы, заявившего, что он привел в Таврический дворец «30 врагов народа» для расправы²¹. Причины «растущего негодования» народа Мансырев видел в «усталости от войны», упадке «национального чувства», в призывах социалистов «к всечеловеческой “свободе, братству, равенству”». Важнейшая причина роста недовольства обывателей в столице – нехватка продовольствия: «Сильно стал обостряться продовольственный вопрос.... За единственным исключением все общественные круги откры-

¹⁷ Там же. С. 401.

¹⁸ Там же. С. 358.

¹⁹ Там же. С. 296.

²⁰ Там же. С. 407.

²¹ Мансырев 1991. С. 108-109.

то бранили правительство»²². Милоков отмечал, что обыватели считали виновником своих бед правительство, в резком тоне ругали всех лиц, имевших отношение к решению продовольственного вопроса²³. Шидловский получил от знакомых сведения, что «брожение возникло на почве недостатка хлеба в некоторых лавках на Выборгской стороне»²⁴.

Революция выросла из озлобления народа, и в этом был ее трагизм. Охранное отделение еще 5 февраля фиксировало: «Озлобление растет, и конца его росту не видать»²⁵. «Они – революционеры – не были готовы, но она революция – была готова»²⁶. Милоков характеризовал народ как «бессознательный и темный», «сохранивший мировоззрение иных столетий»²⁷. Мансырев писал: «Бестолочь невообразимая: солдаты и рабочие походя хватают на улицах того или другого... просто по виду – если не понравится»²⁸. Народ придал революции необратимый характер. В годы войны власть катастрофически быстро теряла поддержку в разных слоях населения, разочарование во власти – важнейшая причина протеста народа, уставшего от войны, нищеты, голода, бесправия, считали думские лидеры. С их точки зрения, народ имел право выйти на улицу и потребовать от власти решить их насущные проблемы.

Шульгин писал о тревожном настроении думских депутатов, которые отнюдь не были сторонниками революции. «Уже несколько дней мы жили как на вулкане... В Петрограде не стало хлеба... Произошли уличные беспорядки... Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала...». «А улица надвигалась и вдруг обрушилась... тридцатитысячная толпа, которою грозили с утра, оказалась не мифом, не выдумкой от страха»²⁹. Шульгин понимал, что придется считаться с уличным движением. «Страна уже слушает тех, кто левей, а не нас», горько сознавал он власть толпы³⁰.

По Маклакову, опасность народного движения заключалась в том, что «некультурное большинство» исходило только из своих «примитивных имущественных желаний»³¹, а не национально-государственных интересов. «Прогрессистам» поступали сведения о захвате толпами Ар-

²² Там же. С. 95, 100.

²³ Маклаков 1954. С. 401.

²⁴ Шидловский 1991. С. 120.

²⁵ Цит. по: Милоков 1990. С. 246.

²⁶ Шульгин 1990. С. 429.

²⁷ Милоков 2001.

²⁸ Мансырев 1991. С. 108.

²⁹ Шульгин 1990. С. 436, 444.

³⁰ Там же. С. 418.

³¹ Маклаков 2006. С. 320.

сенала, о пожаре в здании Окружного суда³², об арестах и убийствах офицеров, чиновников. Думцы поняли, что возмущение людей вышло за правовые границы. Маклаков не искал в народном бунте мотивов правды и социальной справедливости. Будучи юристом, он оценивал общественные события в контексте правовых идей. Катастрофическим итогом революции он считал разрушение законного порядка в стране.

Рассматривали ли думские лидеры деятельность Прогрессивного блока как один из факторов революции? «Прогрессисты» не хотели использовать революционные методы борьбы за власть. Но Шульгин опасался, что критика ими правительства вела к росту революционных настроений, усиливала недовольство политикой верхов³³. Прогрессивный блок ранее стоял между правительством и обществом, преследуя цель не допустить революции. В феврале думские лидеры должны были решить, с кем они: со старой властью или с народом³⁴. Сначала стремились спасти монархию. Гучков объяснял им: «в этом хаосе... надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить...»³⁵. С целью сохранения монархии думские лидеры были готовы пожертвовать монархом, писал Шульгин³⁶.

Как «прогрессисты» интерпретировали свою поддержку революции с 27 февраля? Как они объясняли, почему, будучи противниками революции, они пошли на углубление политического кризиса и сыграли важнейшую роль в крушении монархии? Думские деятели писали, что в февральские дни они испытывали страх перед уличной толпой. Она угрожала основам государственности – закону и порядку. «Прогрессисты» стремились «овладеть» уличным движением и не допустить полного развала институтов государства. В дни революции они выступили как «государственники», спасавшие разваливавшийся аппарат управления. Вечером 27 февраля, как свидетельствовал Милуков, думские деятели предприняли «меры к созданию новой власти»³⁷, чтобы не допустить анархии в городе, они создали Временный комитет Государственной думы. Этот шаг вел к отказу от диалога с Николаем II. «Прогрессисты» это понимали. В их трактовке, думские лидеры, создавая Временный комитет, исходили из следующих обстоятельств: недоверие народа к власти, неуправляемость уличного движения, отсутствие порядка в городе, отказ Николая II пойти на соглашение с Думой. Мотивы этого выбора Шидловский объяснял следующим образом: «Недоверие к правительству было таково, что никто даже и не заикнулся о поддержке его

³² Шидловский 1991. С. 121.

³³ Шульгин 1990. С. 425-426.

³⁴ Там же. С. 442; Родзянко 1929.

³⁵ Цит. по: Шульгин 1990. С. 498.

³⁶ Шульгин 1990. С. 458.

³⁷ Милуков 1990. С. 252.

в целях восстановления порядка, а стали делаться разные предложения относительно установления какого бы то ни было порядка»³⁸. Поддержание порядка в городе и стране стало, с точки зрения «прогрессистов», первостепенной национальной задачей. Контекст этой ценностной мотивировки – сохранение государственности. Уже в те дни «прогрессисты» сознавали, что революционный кризис вел к развалу государства. В эмиграции, анализируя противостояние различных сил, они единодушно интерпретировали его итог как катастрофу для государственности, России, бездонную пропасть «обвала», бедствие³⁹.

Согласно Милокову, с 27 февраля думы действовали по ситуации. Мансырев и Шульгин писали о настроении думцев: «полная растерянность» и «бессилие»⁴⁰. Они вынуждены были считаться с фактической ликвидацией власти в Петрограде и с массовыми уличными выступлениями. «Взбунтовался полк... Убили командира... Казаки отказались стрелять... братаются с народом... На Невском баррикады... масса перешла “к действиям”»⁴¹. «В городе продолжался хаос, все возраставший. ... Группы лиц, никому не известных и никем не уполномоченных, стали заниматься арестами тех деятелей старого режима и офицеров, которых по их соображениям надлежало арестовать; всех арестованных затем приводили в Таврический дворец». В Петрограде хозяйничали уличная толпа и войска, руководствовавшиеся инстинктами «разрушения»⁴². Эти факты принимались думскими лидерами во внимание, когда решали вопрос, с кем Дума – народом или властью? Сначала они чувствовали свое бессилие, а затем поняли, что надо научиться управлять «взбунтовавшейся Россией», писал Шульгин о мотивах принятия решений думскими деятелями. «То, чего мы боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»⁴³.

Советы рабочих и солдатских депутатов, узнали думы, «организовывали массу... работали над тем, чтобы подчинить ее себе»⁴⁴, ставили под свой контроль почту, телеграф, железные дороги, типографии; эти факты захвата тревожили думских деятелей⁴⁵. «Прогрессисты» увидели в Советах силу, способную взять власть в свои руки, а для них это был худший вариант развития событий. Когда «прогрессисты» узнали, что Советы уже контролируют в столице почти все стратегически важные объекты, они, изначально не имея «никакого плана», реши-

³⁸ Шидловский 1991. С. 120.

³⁹ Шульгин 1990. С. 435.

⁴⁰ Мансырев 1991. С. 103; Шульгин 1990. С. 435.

⁴¹ Шульгин 1990. С. 439, 440.

⁴² Шидловский 1991. С. 121-122.

⁴³ Шульгин 1990. С. 440, 445.

⁴⁴ Шульгин 1990. С. 453.

⁴⁵ Шидловский 1991. С. 123.

ли «овладеть движением, стать во главе его, не дать разыгаться анархии»⁴⁶. Советы и «Улица» вынуждали Думу делать шаги, которые даже не обсуждались депутатами днем раньше.

Давлением на Думу стало паломничество рабочих и солдат к Таврическому дворцу. Думские деятели дали свое объяснение этому паломничеству. По мнению Шульгина, Дума пользовалась авторитетом у рабочих и солдат, поскольку она стояла между народом и правительством. Восставшим нужен был «центр движения», в ней видели новую власть, растерянные люди «молили руководства, им нужен был «символ революции»⁴⁷. Солдаты шли к Думе, надеясь, что их не отправят на фронт. Мансырев объяснял поход возбужденной толпы к Таврическому дворцу ее стремлением «требовать указания от Думы, что им делать, а также просить ее взять в свои руки власть, так как правительство ничего не делает»⁴⁸. Об уважении горожан и военных к депутатам Думы свидетельствовал факт, что парламентариев пропускали через все заставы. Шидловский писал, что «звание члена Государственной думы» давало «в первые дни революции беспрепятственный пропуск повсюду»⁴⁹.

Народ не понимал, что Дума меньше всего стремилась возглавить революцию, она была вынуждена повести за собой взбунтовавшиеся массы, чтобы не допустить анархии. 27 февраля думские деятели решили, что если они не смогут влиять на народ, то уличное движение окажется под контролем левых партий и Советов. Лидеры Думы с облегчением поняли, что войска в столице «за “Государственную думу”... Что вообще “революционная” столица за Государственную думу... Это давало надежды как-нибудь, быть может, овладеть движением, стать во главе его, не дать разыгаться анархии...»⁵⁰. Озвучивая позицию думцев, Милюков писал: «Все ясно сознавали, что от участия или неучастия Думы в руководстве движением зависит его успех или неудача»⁵¹. Шульгин опасался развала армии, если «сейчас же не будет, кому повиноваться»⁵². «Прогрессисты» пошли на диалог с «взбунтовавшимся» народом, поскольку пользовались его доверием, не было войск для разгона демонстрантов, надо было восстановить порядок.

Дума вечером 27 февраля стала символом революционной России, центром власти. «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг...». Милюков также утверждал, что думские лидеры, создав Временный комитет Гос-

⁴⁶ Шульгин 1990. С. 446, 453.

⁴⁷ Там же. С. 438, 455-456.

⁴⁸ Мансырев 1991. С. 103.

⁴⁹ Шидловский 1991. С. 120.

⁵⁰ Шульгин 1990. С. 446.

⁵¹ Милюков 2001.

⁵² Шульгин 1990. С. 459.

ударственной думы, фактически взяли на себя функции власти, понимая ответственность за принятые решения⁵³. В рефлексии Шульгина, в февральские дни все были «растеряны», не понимая, кто «враг», а кто «друг». «Прогрессистам» надо было расставить приоритеты. Их объединяла идея спасения России, в риторике Шульгина, «дело России»⁵⁴.

Диалог с протестующим народом предусматривал поиск «прогрессистами» идей, способных обеспечить их согласие с революционными массами. «Прогрессисты» выступали с речами перед рабочими и солдатами, объясняя, какие задачи стоят перед Россией и обществом: сохранение государства, обеспечение правопорядка, защита отечества. Ощущая сначала свое бессилие в условиях паралича власти и уличных выступлений, думские лидеры смогли быстро понять, какой дискурс поможет убедить народ воспринимать их идеи: «революция», «разумная свобода», «родина и армия», «верность родине», «родина-матушка», «спасение России». Они выступали на митингах. Народ слушал и кричал «Ура!», отмечал Шульгин реакцию простых людей на речи представителей Думы⁵⁵. Риторика «прогрессистов» имела патриотический характер. Будучи противниками уличных выступлений, думцы вынуждены были разговаривать с массами, чтобы снизить накал революционных страстей, внедрить в их сознание свою версию событий, контролировать массы, не допустить хаоса, навести порядок в городе. Народ поверил думским деятелям, приветствовал их на уличных митингах, на предприятиях, в казармах, где они появлялись по приглашению самовыдвиженцев снизу. Думские ораторы ежедневно уверяли митингующих, что революция уже победила, настало время конструктивной работы – восстановления деятельности государственных учреждений, фабрик и заводов.

Лидеры Прогрессивного блока не стремились использовать революционные способы борьбы за власть. Они не считали деятельность блока одной из причин Февральской революции, но признали, что, не будучи революционерами, сознавая свой долг перед Россией, были вынуждены возглавить революцию с целью создать новый механизм управления страной. Мотивацию думцев раскрыл Шульгин: Дума стояла «на патриотической почве»⁵⁶. В сущности, их шаги по созданию новых органов управления и участие думских деятелей в отречении Николая II позволяет характеризовать Прогрессивный блок как одного из ключевых участников Февральской революции. В этом заключалось «двузначное положение» Думы⁵⁷.

⁵³ Милюков 1991. С. 15, 17.

⁵⁴ Шульгин 1990. С. 443.

⁵⁵ Там же. С. 461–462, 473.

⁵⁶ Там же. С. 456.

⁵⁷ Там же. С. 455.

Таким образом, интерпретация «прогрессистами» февральских событий и позиций участвовавших в них влиятельных сил позволяет выявить общие черты их гражданской и политической идентичности. Чертами гражданской идентичности лидеров «прогрессистов» были представления о защите прав человека законами, праве личности на свободное волеизъявление в рамках законов. Значимые ценности, определявшие светскую, нововременную политическую идентичность либеральных думцев, – верховенство закона, правопорядок, народовластие, конституция, гражданское общество, права человека, сильная государственность, Россия. Ценностная система обусловила видение думцами-интеллектуалами национальных приоритетов развития России – взаимодействие государства с общественностью на условии защищенности прав личности. Аксиологические позиции либералов того времени в целом соответствовали задачам цивилизованного развития России, ориентиром которого должно было стать верховенство права. Они представляли интересы модернизационной тенденции развития России. Гражданская и политическая идентичность «прогрессистов» предопределяла их оппозиционность традиционалистам, видевшим в вековых «устоях» – самодержавии и привилегиях дворянства – главную черту русского исторического пути. Носители изменчивости и преемственности – «прогрессисты» и правительство – в условиях глубокого революционного кризиса февраля 1917 г. не смогли прийти к диалогу. Риторика думских интеллектуалов существенно отличалась от официальной позиции единения вокруг Государя, веры в монархию и Божий промысел, и от риторики революционеров.

Обращает на себя внимание терминологическая близость рефлексии «прогрессистов», оперирование близкими по смыслу понятиями. Дискурс думских лидеров о власти в феврале 1917 г. представлен такими ее оценками, как «старина», «бессилие», «безволие», «бездарность», «растерянность». Они связывали «бессилие» правительства с его ориентацией в большей степени на традиции государственности, чем нововременной опыт преобразований, и с составом министров, более удовлетворявшим представлениям Николая II, чем общества, о деловых качествах и интеллектуальном багаже лидеров политической элиты. Деятели Прогрессивного блока, тексты которых мы анализировали в данной статье, были единодушны в своем мнении, что самодержавие перестало быть главным «устоем» России, поскольку оно адекватно реагировало лишь на отдельные запросы общества, далеко не полностью уясняло задачи развития страны.

«Прогрессисты» рассматривали революцию как социально-политический кризис, интерпретируя факторы его возникновения в контексте проблемы «власть – общество». Они выделили краткосрочные обстоятельства, обусловившие конфликт между этими силами в феврале 1917

года: неудачная, непопулярная затяжная война, обрушившая авторитет власти и вызвавшая проблемы в социально-экономической сфере; неспособность правительства эффективно решать задачи во всех отраслях государственного управления; ориентация монархии на традиционные ценности; некомпетентность ряда министров; конфликт правительства с Думой; социокультурный раскол общества; возмущение народа своим бесправием и уровнем жизни, отсутствие хлеба в столице; максималистские лозунги радикальных партий, наивное доверие масс левым агитаторам; популярность идеи революции; нежелание солдат идти на фронт, власть пыталась, но не смогла использовать силовые методы подавления революции. «Прогрессисты» выявили признаки политического кризиса (отсутствие у высших государственных деятелей политической воли, незнание ими способов решения актуальных задач, низкий авторитет в обществе, отказ от компромиссов с оппозицией, недооценка потребностей обывателей), социальной нестабильности (недовольство обывателями своим положением, массовые уличные протесты в столице).

Многофакторный анализ причин Февральской революции – одно из достоинств «прогрессистской» версии, но она имеет и черты односторонности. Они указаны Маклаковым. Одна из них: права государства не менее важны, чем права обывателей. Развивая его мысль, мы можем утверждать, что в условиях войны государство имело право на мобилизацию ресурсов, принуждение, дисциплинирование, объединение усилий всех слоев общества на решение задач, определенных властью. Государственные интересы в военное время могут доминировать над частными. Вышедшие на улицу обыватели, как отмечали думцы, защищали свои значимые для них потребности, имея на это право, но они не сознавали национально-государственные интересы. Другой аспект критики либерального воззрения на причины революции опять же был предложен Маклаковым: важен анализ не только ошибок власти, но и ее достижений и направления политики. Милюков не акцентировал внимание на плодотворных результатах законодательной деятельности в период Думской монархии. А в российской практике периода Думской монархии складывался механизм решения многих задач. Третий аспект критики либеральной версии февральских событий заключается в мысли Маклакова о важности конфликтующим силам искать решения в рамках законов, а не занимать непримиримые позиции.

«Прогрессисты» выделили главные противоборствующие силы в Февральской революции – власть, общественность и народ. В их противостоянии они и искали причины конфликта, характеризовали интересы и восприятие друг друга. Глубина кризиса определялась «прогрессистами» в терминах «раскол», «разрыв», они понимали, что компромиссный вариант между конфликтующими сторонами маловероятен. Значимость оценки «прогрессистами» кризиса заключается в выявлении принципов

альных разногласий различных сил, обусловленных не только их идейными установками, но и практическим жизненным опытом, а также в важности мысли о компромиссе, в осуждении непримиримости позиций как фактора, ведущего к катастрофе.

В дискурсе лидеров Прогрессивного блока о народе есть многосторонние оценки причин его протеста («бесправие», «бедствия»), эмоционального отношения народа к власти («нетерпение», «озлобление»), характера его движения («взбунтовавшаяся Россия», «бурлящее месиво», «хаос», «буря» (Шульгин), «рабочее движение», «народные волнения», «хаос, все возраставший» (Милуков), «вооруженный бунт», «беспорядки», «хаос» (Мансырев). В текстах «прогрессистов» преобладающая оценка уличного движения – «бунт». Доказывая адекватность этой характеристики, они подчеркивали его стихийность, «бесформенность», неуправляемость, правовой нигилизм, опасность для государственности, жизни людей. Фиксируя факты расправы рабочих и солдат в дни революции над чиновниками, интеллигентами, офицерами, они отмечали слабое развитие гражданского сознания протестующих, не желавших признавать право других слоев общества на защиту жизни и имущества. «Прогрессисты» сочувствовали уставшим от бед простым людям, но и осуждали убийства как антизаконные действия. Значимой является и мысль «прогрессистов» о том, что судьбу отечества не должна решать уличная толпа, руководствующаяся чувством ненависти. В февральские дни 1917 г. «прогрессисты» ясно поняли, что революция имела огромный разрушительный потенциал. Они стремились минимизировать отрицательные последствия революции и сохранить государственность.

В критической оценке левых партий просматривается позиция «прогрессистов» – неприятие мифологии как способа влияния на людей, самозахвата административных зданий как методов государственного переворота, радикализации радикалами настроения масс с целью подогреть их ненависть. В ненависти социальных низов к верхам и заключался «горючий материал» революций, утверждали «прогрессисты», занимавшие принципиально отличную от левых позицию поддержания правопорядка.

В дискурсе думских деятелей есть различия в характеристике роли либеральной общественности в возникновении революции. Большинство авторов текстов воспринимали Думу как нейтральную сторону, сначала не участвовавшую в конфликте и в нём не заинтересованную, а предложения Прогрессивного блока оценивали как антикризисную программу. Выделяется взгляд Маклакова на деятельность либералов. Он критиковал кадетов за излишний радикализм политических требований. С его точки зрения, либералы использовали не все возможности для соглашения с правительством, полагал, что поиск компромиссного варианта выхода из кризиса был важнее для государственности, чем штурм

власти. Маклаков в своем анализе событий в большей степени, чем Милюков, руководствовался государственно-национальными интересами, выявлял ошибки кадетов, обусловленные их программой, тактикой, наивностью теоретиков.

«Прогрессисты» интерпретировали исторический процесс в рамках дихотомии «старый порядок» – новые силы. Лидер кадетов, недовольный стагнацией третьеиюньской политической системы, видел выход в проведении новой конституционной реформы, целью которой должно стать изменение механизма формирования правительства. Отказ от нее привел к революционному слому системы управления в России, полагал Милюков. «Прогрессисты» с сожалением отмечали, что власть находилась во власти своих стереотипов мышления, включая представление о верноподданических настроениях народа. Они оценивали позиции традиционалистов в дни революции как сдерживающий барьер, акцентировали внимание на конфликтном характере своих взаимоотношений с правительством. В их представлении, монарх и его министры еще не свыклись с мыслью о том, что Дума стала значимой институционализированной традицией. Власть, поддерживая третьеиюньскую систему, искала варианты укрепления в этой конфигурации традиционных сил, не желая вывести страну на новый виток обновлений. Думские лидеры в 1915–1917 гг. сознавали необходимость смены правящей элиты, прихода к власти лиц, способных реагировать на вызовы времени в интересах государства и общества. Они сожалели, что конституционный процесс в 1905–1916 гг. не убедил Николая II в важности формирования новой команды реформаторов. По мысли «прогрессистов», преобладание традиционалистов во власти – одно из обстоятельств ее низкой дееспособности в годы войны и революции.

Политический кризис в феврале 1917 г. привел к быстрому изменению отношения думских лидеров и социальных низов к монархии и правительству, Критическое отношение к власти стало основой их временного компромисса. Наблюдался кризис общественного сознания, проявившийся в разрушении веры в монархию и росте надежд на новые силы, прежде всего, народное представительство.

Развивая мысль «прогрессистов» в контексте обозначенной ими дихотомии традиции – новации, мы можем утверждать, что реформаторский процесс в России позднеимперского периода не только не вышел за рамки традиций, но и зависел от них. Российское самодержавие, веками сохраняя политическую стабильность, на этапе модернизации, когда появились новые общественные силы, обнаружило недостаточную гибкость реагирования на их запросы. Обращение власти преимущественно к прежним методам решения задач, ориентация в разные периоды на достижение противоречивых целей, обусловили возникновение конфликта между участниками исторического процесса. Грани-

цы новаций определялись традиционалистскими силами, удерживавшими власть. Приоритеты традиционалистов не были поколеблены даже в кризисной ситуации февраля 1917 г., когда остро встал вопрос о смене ориентиров развития. Традиционная тенденция движения не предполагала полного учета общественного мнения, интересов разных социальных групп. В феврале 1917 г. оппоненты потребовали от правительства прислушаться к голосу общественности, народа. Однако ему не хватило понимания необходимости вести диалог с обществом, соотносить свою политику с новыми задачами развития страны. Монархия эксплуатировала реформы с целью защиты традиционалистских устоев. Включение в государственный механизм народного представительства в 1905 г. не привело к существенной трансформации идеологии власти, базовые ценности которой остались неизменными. Идеологическая революция, происходившая в России в первое десятилетие двадцатого века, не вовлекла в свое дискуссионное поле правящую элиту.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 300-316 [Kocheshkov G.N., Saraeva E.L. Istoriko-kul'turnye istoki fevral'skogo revolyucionnogo krizisa 1917 g.: idei liderov Progressivnogo bloka // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 65. S. 300-316].
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж. Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1936. В 4 вып. 610 с. [Maklakov V.A. Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroj Rossii (vospominaniya sovremennika). Parizh. Izd. zhurn. Illyustrirovannaya Rossiya, 1936. V 4 vyp. 610 s.]
- Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954 [Maklakov V.A. Iz vospominanij. N.Y., 1954. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html]
- Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. 335 с. [Maklakov V.A. Vtoraya Gosudarstvennaya дума. Vospominaniya sovremennika. 20 fevralya – 2 iyunya 1907 g. M.: ZAO Centropoligraf, 2006. 335 s.]
- Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 95-119 [Mansyrev S. P. Moi vospominaniya o Gosudarstvennoj dume // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 95-119].
- Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. URL: https://royallib.com/read/milyukov_pavel/istoriya_vtoroy_russkoy_revolyutsii.html#20480 [Milyukov P.N. Istoriya vtoroj russkoj revolyucii. M., 2001].
- Милоков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля – 3 марта). // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 3-29 [Milyukov P. N. Vojna i vtoraya revolyuciya. Pyat' dnei revolyucii (27 fevralya - 3 marta). // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 3-29].
- Милоков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с. [Milyukov P. N. Vospominaniya. M.: Sovremennik, 1990. T. 2. 446 s.]
- Родзянко М.В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1929. 271 с. [Rodzyanko M.V. Krushenie imperii. L.: Priboj, 1929. 271 s.]
- Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 120-153 [SHidlovskij S.I. Vospominaniya // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M., 1991. S. 120-153].

Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 832 с. [SHul'gin V. V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. 832 s.]

Кочешков Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; kocheshg@mail.ru

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; els5656@yandex.ru

Revolutionary crisis of February 1917 in the reflection of the leaders of the Progressive bloc

The article is devoted to the analysis of the ideas of the leaders of the Progressive bloc in the IV State Duma of the Russian Empire on the short-term factors of the 1917 February Revolution. The main culprit of the revolution was the authorities, in the Progressists' opinion. The powerlessness of the ruling elite, according to the Progressists, predetermined the inevitability of the fall of the monarchy. Leaders of the Progressive bloc singled out short-term circumstances that predetermined the February Revolution of 1917: an unsuccessful, unpopular, protracted war that has downed the authority of the government and caused problems in social and economic sphere; inability of the government to effectively solve tasks in all branches of public administration; orientation of the monarchy on traditional values; incompetence of a number of ministers; the conflict between the government and the Duma; socio-cultural division of society; indignation of the people with their lack of rights and lowering of living standards, lack of bread in the capital; the maximalist slogans of radical parties, the naive confidence of the masses in the left-wing agitators; the popularity of the idea of revolution; the soldiers' unwillingness to go to the front. The authorities tried, but could not use force to suppress the revolution. The Progressists interpreted the historical process within the dichotomy of tradition - innovation.

Keywords: 1917 February revolution in Russia, Progressive bloc, State Duma of the Russian Empire, V.A. Maklakov, P.N. Milyukov, V.V. Shulgin

Gennadii Kocheshkov, Doctor of history, Professor, Chair of Russian history department at the Yaroslavl State Pedagogical University; kocheshg@mail.ru

Elena Saraeva, Doctor of history, Associate professor of Russian history department at the Yaroslavl State Pedagogical University; els5656@yandex.ru